

А. Е. Гучок

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕНИЯ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Совершенство методологии представления преступления в виде определенной модели (в нашем случае – криминалистической структуры преступления) в значительной степени детерминировано содержанием познавательной деятельности, осуществляемой в ходе расследования преступлений. Обладая определенной цикличностью, познавательная деятельность включает в себя целый комплекс методов, используемых в некоторой последовательности. При этом исследование, как правило, начинается с применения методов анализа и синтеза.

Суть анализа и синтеза состоит в том, что познание осуществляется путем разделения целого на составляющие, изучения частей, их свойств, взаимосвязей, последующего синтеза полученных знаний в целостную интегративную систему – образ исследуемого объекта. Многоплановость и многопрофильность исследуемых в криминалистике объектов и ситуаций предопределяет необходимость осуществления их многопланового, многофакторного анализа на основе раздельного и сравнительного изучения слагаемых данной системы, являющихся своего рода моделями внутри общей ситуации, выделения их внутренних и внешних связей, зависимостей, взаимодействий.

Методология системного анализа включает в себя выявление всех системообразующих связей, факторов, конструкций и выяснение роли и функции каждой связи в обеспечении целостности и эффективности системы.

Синтезированные в единый образ сведения, полученные в результате анализа, дают возможность построить модель преступления. При этом модель преступления рассматривается как мысленно представляемая система, которая, отображая объект исследования, способна замещать его таким образом, что ее исследование дает новую информацию об изучаемом объекте. Как в философии, так и в криминалистике модель представляет объект в познании и не повторяет его.

Описанный цикл исследований с использованием методов анализа, системного анализа, синтеза и моделирования от разделения целого на составляющие до построения модели преступления может быть повторен необходимое количество раз до получения полных, объективных и всесторонних знаний об объекте исследования, т. е. о преступлении. Однако возникает вопрос, который касается познавательной деятельности на начальном и конечном этапах данного цикла: в каком виде предстает то целое, деление которого осуществляется путем применения метода анализа, и та модель, которая получается в результате синтеза имеющейся информации. Применительно к расследованию преступлений первое представляет собой совокупность следов-отражений, оставшихся в результате совершения преступления, второе – мысленно представляемую либо проецируемую на материальный носитель в виде схем систему, воспроизводящую произошедшее в прошлом деяние, предусмотренное уголовным законом.

Таким образом, эффективность применения названных методов в полной мере зависит от совершенства используемой модели представления преступления. Анализируя модели, разработанные криминалистами для исследования преступления, В. И. Шаров приходит к выводу, «что практически все они носят концептуальный характер. Четко раскрывая сущность преступления, они позволяют сформировать только наиболее общую его структуру и почти не годятся для детального исследования элементов и связей внутреннего механизма. Это и очевидно, так как исследователи ставили своей целью получить модель, приемлемую для преступления вообще. Конкретизация неизбежно приведет к детализации модели, она становится индивидуальной, особенно для каждого конкретного преступного деяния. Представляется, что это одна из важнейших проблем конкретных работ по формализации криминалистического знания. Попытки обобщить, структурировать преступления приводят к аморфным моделям и рекомендациям по их использованию, мало пригодным для расследования. Попытки же детализации неизбежно приводят к описанию конкретного преступления, что также малоэффективно, так как мала вероятность повторения именно отраженных признаков и элементов»¹. Самый яркий пример тому – криминалистическая характеристика преступления.

Криминалистическая характеристика преступления объединила в себе описание преступления в виде системы признаков-модусов с по-

пыткой установления корреляционных зависимостей между ними. В этом и заключается ее продвижение из рамок знаковых систем, описывающих только систему признаков, к системе формальной с поиском возможностей формулирования формальных правил получения выводного знания о неизвестных элементах преступления. Однако в литературе отмечается, что формализация в рамках криминалистической характеристики преступления сопряжена с трудностями типизации следов и признаков преступления, их синтеза и сопоставления получившегося с событием преступления и личностью преступника, а также трудностями при исследовании взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления².

Это, по нашему мнению, обусловлено отсутствием самих подходов, обеспечивающих необходимую степень формализации исследуемой предметной области. В частности, не в достаточной мере разработаны методы, приемы, способы формализации как самой системы преступления, так и ее внутренней формы – структуры, частей и компонентов, составляющих систему, системообразующих связей и конструкций.

Кроме того, преступление как система характеризуется тем, что она образуется за счет дефектов в управленческих, социальных системах или паразитирует на их материальных ресурсах, а также создается и как средство (специально организованное) разрешения противозаконным путем возникших противоречий внутри системы, между системами³. В связи с этим встает вопрос и о необходимости формализации наряду с моделью преступления систем, в которых оно проявляется, или их отдельных фрагментов.

Формализация и преступлений, и систем, в которых они проявляются, кроме того, должна быть ориентирована на структуру поисково-познавательной деятельности, также представляемую в формализованном виде, по причине необходимости их сочетания между собой. В этом плане несомненный интерес вызывает структура познания.

Познание синтезирует в себе взаимодействие формальных и содержательных аспектов. Отличительной чертой научной модели является то, что она строилась на соединении формализованного и неформализованного знания. В настоящее время это сочетание модифицируется главным образом за счет расширения как самих формализованных приемов, так и их способности выражать существо качественных характеристик явлений и предметов окружающего мира.

Изложенное требует оценки наиболее часто использовавшихся при формализованном представлении преступления подходов. Ее суть очень точно нашла отражение в исследованиях В. И. Шарова. «На настоящем уровне их развития невозможно описать систему даже не в формальном, а лишь в более или менее структурированном виде. Нужны абстракции иного вида, иной язык науки. Имеющийся инструмент формальных систем и алгоритмов не способен впитать в себя многообразие криминальных и следственных ситуаций»⁴.

В связи с этим очевидно, что широкое развитие новых формализованных методов можно рассматривать как предпосылку, которая позволит формализовать сложную социальную систему – преступление. Такая формализация должна носить социально-формальный характер, так как ее важнейшим элементом является учет реалий конкретного преступления, его особенностей и индивидуальности. Указанные обстоятельства порождают необходимость уйти от формальных приемов в сторону широкого использования «полустрогих» методов описания. При применении последних удастся в определенной степени формализовать области, которые ранее задавались лишь описательно⁵.

Применительно к преступлению закономерно встал вопрос о способах именно формализованного представления как отдельных элементов, так и преступления в целом, а дальнейшие перспективы развития представлений о преступлении в криминалистике были связаны с выбором моделей формализованного представления рассматриваемого явления.

При решении аналогичных задач (представление объектов исследования в формализованном виде) специалисты в сфере компьютерной семантики пришли к выводу о том, что при всем многообразии работ в этой области выбор модели для представления знаний представляется небольшим. Наибольшее распространение получили либо продукционная модель, либо модель фреймов Минского, либо семантическая сеть. По всей видимости, все они имеют право на существование, однако более перспективной выглядит модель в виде семантической сети⁶. Это заключение в полной мере относится и к представлению преступления.

Считается, что «семантическая сеть – ориентированный график, вершины которого соответствуют понятиям, а дуги – отношениям между ними. Формирование знаний в семантической сети осуществ-

вляется посредством семантического языка. Основное отличие этого языка от любого формального состоит в том, что его символы допускают содержательную интерпретацию. Понятиями являются основные объекты формализуемой области – либо реально существующие, либо абстрактные, включающие в себя целые структуры. Понятия характеризуются своими признаками (атрибутами). Каждый признак может принимать различные значения.

Отношения представляют связи между основными понятиями»⁷.

К числу наиболее ярких примеров использования семантических сетей для формализованного представления преступления относятся модели криминалистической структуры преступления, которые включают в себя совокупность элементов и их связей. В самом общем виде криминалистическая структура преступления представляет собой информационную модель внутреннего строения системы преступного деяния, включающую в себя совокупность элементов обязательно наличествующих в ходе его совершения (субъект, объект, средство совершения преступления, предмет преступления) и отражающую динамику развития события преступления в части возникновения и разрушения связей между отдельными составляющими структуры (как материальными, так и идеальными), результатом которых становится изменение состояния некоторых или всех составляющих, входящих в систему преступления и отображающихся в следах. Профессор А. В. Дулов обращает внимание на то, что элементы криминалистической структуры преступления напоминают элементы состава преступления – уголовно-правовую характеристику преступления. Действительно, использование последней – необходимое условие (обязательная предпосылка) построения криминалистической структуры, что справедливо подчеркивается во многих работах криминалистов. В то же время в этой общей криминалистической структуре не случайно отсутствуют упоминание об элементах субъективного характера. Криминалистическая структура – это отражение только материальных объектов (субъектов), специфическая взаимосвязь между ними. Исследованием этого объективного и выявляются (на следующем этапе познания) все особенности субъективного отношения лица к наступившим последствиям⁸.

Таким образом, можно утверждать, что выделение в ходе описания преступления существенных понятий (объект, субъект, орудие), их атрибутов и отношений привело к формализации сведений о пре-

ступном деянии посредством использования семантических моделей, которые и стали первыми опытами формализованного представления криминалистической структуры преступления, своеобразным приемом (или процессом) перевода содержания из одной формы в другую – более структурированную и логически построенную.

Рассматривая совокупность следов, возникающих на месте совершения преступления, как систему, которая может быть формализована для практики, О. М. Готов полагал, что в основе формализованного знания должно лежать небольшое количество аксиом, из которых вытекают все остальные утверждения. В качестве такой аксиомы было принято утверждение о том, что каждый элемент (субъект и объект в происшествии), воздействующий на остальные элементы данного взаимодействия, испытывает их воздействие и на себе⁹.

Более масштабная формализация системы знаний о преступлении предполагает, что исходные выражения формальной системы соответствуют содержательно аксиомам формализуемой теории. «Для аксиоматизации характерна первичная связь «если ..., то ...», обозначающая наличие основания и обосновываемого. Осознание единственной связи «если ..., то ...» уже свидетельствует о появлении концептуальной системы, хотя и простой, состоящей всего лишь из двух элементов. Но, как правило, система знания представляет собой множество таких связей, выступающих в органическом единстве между собой»¹⁰.

На основе этого могут строиться формулы, которые описывают отношения между различными составляющими систем: «если существуют связи, то существуют и отражения», «если существуют отражения, то могут существовать следы пригодные для идентификации», «если выявлены следы пригодные для идентификации, то могут быть установлены объекты оставившие эти следы» и т. д. Такой подход позволяет решать главную задачу – получение знаний о неизвестных элементах исходя из известных.

Решение задачи формализации знаний о сферах человеческой деятельности, в которых преступление паразитирует, возможно путем использования подходов, применяемых при разработке экспертных систем, используемых в экономике. Считается, что для этих целей можно воспользоваться четырьмя основными подходами:

- 1) подход, базирующийся на поверхностных знаниях;
- 2) структурный подход;

- 3) подход, базирующийся на глубинных знаниях;
- 4) смешанный подход, базирующийся на использовании поверхностных и глубинных знаний¹¹.

Подход, базирующийся на поверхностных знаниях, применяется при решении сложных задач, которые не могут быть точно описаны. Этот подход заключается в получении фрагментов знаний (часто эвристических), релевантных решаемой задаче. При этом не предпринимается никаких попыток систематического или глубинного изучения исследуемой области.

Структурный подход обусловлен тем, что применение только техники поверхностных знаний не обеспечивает решения задачи. Использование поиска в качестве механизма вывода в неструктурированной базе знаний может приводить к ненадежным и (или) некачественным решениям.

Структурируя сферу проявления преступной деятельности посредством выявления системообразующих компонентов, связей между ними, исследователь получает возможность интегрировать криминалистическую структуру определенного вида преступления в формализованную модель некоторой среды. Это позволяет выделить элементы среды паразитирования и криминалистической структуры преступления, которые взаимно образуют новые связи, а соответственно и отражения, наиболее уязвимые узлы среды, стимулирующие криминальные проявления и пр. Данный подход в обязательном порядке будет востребован при разработке методик расследования экономических и банковских преступлений, компьютерных преступлений, незаконного оборота наркотиков и пр.

Глубинный подход базируется на модели той проблемной среды, в которой проявляется преступление.

Глубинный (модельный) подход требует явного описания структуры и взаимоотношений между различными сущностями области.

Детальное описание структуры исследуемой системы в значительной степени востребовано в ситуациях, когда ее элементы могут выступать в качестве составляющих криминалистической структуры преступления, а именно субъектов и средств совершения преступного деяния. Явное описание взаимоотношений между различными сущностями моделируемой области позволяет выявить возможные отражения, которые до процедуры формализации относились к разряду латентных.

Смешанный подход в общем случае может сочетать поверхностный, структурный и глубинный подходы. Например, поверхностный подход может быть использован для поиска адекватных знаний, в отношении которого затем используется глубинный подход.

Применение смешанного подхода позволяет моделировать сферы паразитирования организованной преступности путем выделения отдельных объектов, в отношении которых используются приемы формализации, обеспечивающие представление пространств, в которых отражаются структурные составляющие общеуголовных преступлений и пространств, способные воспринять отражение структур, например, экономических преступлений.

Далее следует отметить, что формализация выступает не только как форма представления знаний об объекте исследования, но и как форма выражения процедур и действий, т. е. логической последовательности действий. Первое ассоциируется с формальной системой как особой формой представления знаний, второе представляет собой своеобразный алгоритм, в определенной степени обусловленный используемыми средствами, способом действия. При этом очевидно, что существует единство обеих сторон формализации, как, например, единство категорий объект – отношение, что наиболее характерно проявляется при формализации сложных областей знаний¹².

Предпосылки облечения преступления в форму выражения процедур и действий, характерных для преступного деяния и отражающих содержание криминалистических процессов, усматриваются в учении о стадиях совершения умышленного преступления, а также в представлениях социальной деятельности различных родов.

Профессор Н. П. Яблоков прямо указывает, что «применительно к объективной стороне каждый вид социальной деятельности (в правовом смысле – поведения) складывается из отдельных действий и периодов их отсутствия, а действия, в свою очередь, – из более детальных поведенческих актов с теми или иными предметами деятельности, с использованием тех или иных средств. Сочетание определенных действий, детальных поведенческих актов и используемых средств представляет собой способ действия. Но профессиональный способ действия – не просто сочетание указанных компонентов, а сочетание действий и детальных поведенческих актов, производимых в определенной (не любой) последовательности с использованием определенных (не любых) средств. Указанная поведенческая структура

процесса деятельности (деятельность – действия – детальные поведенческие акты), а также значимость целевой ее направленности обязывают в теоретических исследованиях деятельности различать ее соответствующие уровни: стратегический, тактический и технико-технологический.

Вместе с тем по ряду оснований (пространственно-временными параметрам, целям и задачам, методам и средствам работы, результатам и т. п.) обычно выделяют определенные этапы (стадии) деятельности с более или менее четкими границами между ними. Чаще всего выделяются подготовительный, начальный, основной и заключительный этапы (хотя их названия могут быть и иными)¹³.

Применительно к реалиям сегодняшнего дня можно полагать, что поведенческая структура процесса преступной деятельности с ее уровнями и этапами вполне пригодна для описания процесса развития криминалистической структуры преступления. Так, профессор А. В. Дулов выделяет следующие стадии развития криминалистической структуры преступления: условия, способствовавшие совершению преступления (провоцирующие, облегчающие и т. д.), их причинные связи с действиями по совершению преступления; подготовка и проведение преступления; механизм его совершения; результат преступления; последствия, причинно связанные с его совершением¹⁴.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что среди предпосылок формирования учения о криминалистической структуре преступления могут быть названы подходы, основанные на использовании методов анализа, синтеза, системного анализа, моделирования. Особая роль в формировании учения о криминалистической структуре преступления принадлежит формализации и аксиоматизации. Это обусловлено тем, что проблемы несовершенного представления модели преступления были связаны с использованием чрезмерно строгих методов формализации знаний в криминалистике. Ее решение было осуществлено посредством перехода к полустрогим методам формализации в рамках семантических моделей, которые и явились прототипом формализованного представления преступления в виде его криминалистической структуры. Предпосылкой формирования динамической модели развития криминалистической структуры преступления стала система знаний о форме выражения процедур и действий при описании содержания социальной деятельности вообще, и поведенческой структуры процесса отдельных видов профессиональ-

ной деятельности, в частности. По нашему мнению, дальнейшие перспективы развития подходов формализованного представления преступления посредством описания его криминалистической структуры связаны с совершенствованием процедуры формализации сложных социальных систем, поиском новых путей в описания их структур, связей, этапов развития.

¹ Шаров В. И. Формализация информационной структуры расследования преступлений // Российский следователь. № 7. 2003. С. 17.

² Там же. С. 16–17.

³ Криминалистика: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Дулова. Мн., 1996. С. 75.

⁴ Шаров В. И. Указ. соч. С. 17.

⁵ Новик И. Б., Садовский В. Н. Модели в науке: Исторические и социокультурные аспекты (Послесловие) // Моделирование. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 470.

⁶ Шемакин Ю. И., Романов А. А. Компьютерная семантика. М., 1995. С. 116.

⁷ Шаров В. И. Указ. соч. С. 18–19.

⁸ Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Мн., 1985. С. 36.

⁹ Глотов О. М. Следы преступления как система (Некоторый опыт системного исследования в криминалистике) // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Вып. 4. Ленинград, 1976. С. 90.

¹⁰ Философия / Под ред. Ю. А. Харина. Мн., 2000. С. 194.

¹¹ Там же. С. 194.

¹² Шаров В. И. Указ. соч. С. 15.

¹³ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1995. С. 20–21.

¹⁴ Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: Пособие для следователей / Под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. Мн., 1995. С. 13.